

ДЖОН МАКФАРЛЕЙН

В каком смысле (если он вообще есть) логика нормативна по отношению к мышлению?¹

Вариант от 21 апреля 2004²

Доклад на ежегодной конференции центрального отделения Американской философской ассоциации, 2004

Общепринято мнение, что логика задает нормы мышления или рассуждения. В самом деле, эта идея стоит в центре традиционного способа определения логики как науки, и без нее неясно, как мы смогли бы различить логику и другие науки, окружающие ее со всех сторон: психологию, метафизику, математику и семантику. Однако, к нашему удивлению, получается, что трудно сказать, каким образом факты о правильности выводов относятся к нормам мышления, а некоторые философы даже сделали вывод о сомнительности самой идеи. В своем докладе я буду исследовать пространство возможных «соединительных принципов», связывающих логические факты с нормами мышления. После обсуждения некоторых точек зрения, которые относятся к выбору между этими соединительными принципами, я стану защищать два из них. Затем я покажу, как различные выборы соединительных принципов влияют на длительные и непрекращающиеся споры о роли релевантности, необходимости и формализма в имеющемся у нас понятии логического следования. Методологическая цель доклада — формирование точки зрения, которая станет альтернативой обычным непродуманным апелляциям к нашим «интуициям» о логическом следовании, которые имеют место в этих фундаментальных спорах.

1. Проблема и ее важность

Общепринято мнение, что логика задает нормы мышления или рассуждения. В самом деле, эта идея стоит в центре традиционного способа демаркации логики как науки, и без нее неясно, как мы смогли бы различить логику и другие науки, окружающие ее со всех сторон: психологию, философию, математику и семантику. (Попробуйте сказать, чем логика отличается от геометрии, не упоминая мышление или рассуждение, и попробуйте сказать, чем логика отличается

---

¹Переводчик хотел бы выразить огромную благодарность ученику Джона Макфарлейна Итану Новаку (Ethan Nowak) за ценные замечания и уточнения к переводу.

²Перевод сделан с неопубликованной версии доклада, любезно предоставленной автором.

от психологии, не упоминая нормы.) Однако в каком именно смысле логика является нормативной по отношению к мышлению?

Перед тем как рассматривать проблему, я хотел бы немного сказать, почему считаю ее важной. Одним из самых центральных — и одним из самых неясных — вопросов в философии логики является понятие правильности³. Предполагается, что логика должна сказать нам, какие выводы правильны. Однако что же в точности *имеется в виду*⁴, если сказать, что вывод *B* из *A* «правилен» или *B* «логически следует» из *A*? Существует интуитивная модальная характеристика правильности: если все посылки истинны, то и заключение с необходимостью истинно. Однако не все с этим согласны. Некоторые считают, что необходимо дополнительное условие релевантности. Другие считают, что правильными являются только те выводы, которые с необходимостью сохраняют истинность «в силу своей формы», — и дальше начинается спор, что имеется в виду под «в силу своей формы». А есть и те, кто вообще отрицают модальную характеристику. Да и сама модальная характеристика не особенно ясна. Когда мы говорим, что вывод *B* из *A* правилен, то что представляют собой *A* и *B*: суждения, речевые акты, высказывания или предложения? Является ли модальность в модальной характеристике алетической или эпистемической? Какова ее сила? Можно ли ее объяснить, не используя понятие логической правильности (или близкое к нему понятие)? Как следует понимать условное предложение в этой характеристике?

Конечно, существует много ясных *технических* экспликаций правильности, и теоретико-доказательственных, и семантических, однако совсем не ясно, как они относятся к интуитивному понятию. Например, в чем смысл квантификации по моделям в стандартном теоретико-модельном определении правильности? Хотим ли мы этим отразить модальную составляющую интуитивной модальной характеристики, чтобы модели стали представлять возможные миры или ситуации? Или же мы этим хотим отразить идею, что логическая правильность зависит только от формы и не зависит от содержания нелогических терминов? (Как показано в [Etchemendy, 1990], проблемы,

---

³В подлиннике «validity». Если сводить значения русского «правильность», «правильный» к двум основным — 1) соответствующий правилу, корректный; 2) настоящий, годный, действующий как нужно — то значение «validity», «valid» будет ближе ко второму из них. Это важно иметь в виду, поскольку здесь и далее «правильность», «правильный» по преимуществу использованы именно как перевод «validity», «valid». — *Прим. переводчика.*

⁴Здесь и далее *курсив* в соответствии с оригиналом. — *Прим. переводчика.*

кажется, имеются и с тем, и с другим ответом.) И почему теоретико-модельное определение рассматривает некоторые термины («логические константы») иначе, чем остальные? В чем принципиальное основание для такого разделения?

Эти вопросы трудны. Главенствующая методология при их анализе включает постоянные обращения к нашим «интуициям» о логической правильности. Не думаю, что для нас станет сюрпризом тот факт, что такая методология ведет разных ученых в разные стороны. Потому что наши интуиции по поводу логической правильности в том виде, в каком они есть, по большей части суть результаты нашего логического *образования*. Всякий читавший общий курс логики знает, что понадобится неделя или даже больше для того, чтобы научить студентов различать вопросы, связанные с правильностью, и вопросы, связанные с непротиворечивостью. Даже после того как студенты поняли это, их интуиции по поводу правильности, весьма вероятно, станут сильно зависеть от предложенной точки зрения. Рассмотрим два диалога, оба в высшей степени непридуманных.

Преподаватель: Итак, следует ли « $2 + 2 = 4$ » логически из «Сегодня вторник»?

Студент: Что?

(а)

Преподаватель: Ну, может ли заключение быть ложным при истинности посылки?

Студент: Думаю, нет, ведь заключение не бывает ложным предложением. Думаю, что на самом деле следует.

(б)

Преподаватель: Ну, можно ли правильно вывести это заключение из этой посылки?

Студент: Нет, это было бы безумием. Думаю, что не следует.

Профессиональные философы и логики склонны иметь более стабильные интуиции. Однако это имеет место потому, что у них было больше времени на индоктринацию. И если бы эти истины всем им внушали одинаковым образом, то имело бы хоть какой-то смысл говорить о методологии, усердно опирающейся на интуицию. Однако положение вещей таково, что точек соприкосновения очень мало, а тупики непроходимы.

Сомневаюсь, что мы намного продвинемся в решении любого из данных вопросов, пока не выйдем за пределы интуиций и не найдем более четкого понимания, *зачем* нужно понятие логической правильности. Почему вообще нас заботит изучение данного понятия? Очевидно, потому, что мы считаем, что существует некоторая связь между логической правильностью, с одной стороны, и оценкой и критикой рассуждения — с другой. Если бы мы смогли найти более четкое понимание этой связи, мы могли бы переформулировать вопросы о логической правильности в вопросы о том, как нам следует мыслить. А это уже то, в чем наши мнения гораздо менее зависимы от образования или внушения. Разумеется, и в этой области мы не совсем застрахованы от подводных камней. Однако мышление — это то, чем мы занимаемся всегда, и что мы очень сильно заинтересованы делать как полагается. Наши мнения о правильном мышлении суть результаты нашего собственного опыта и рефлексии, а не только образования. И я готов утверждать, что эти мнения содержат значительно меньше разногласий, чем наши интуиции по поводу логической правильности. Правильность *принципа «из противоречия следует все что угодно»* ($P, \neg P/R$) горячо обсуждается, однако *никому* не приходит в голову делать заключение, что он — тыква, только потому, что он обнаружил противоречие между двумя своими убеждениями.

В качестве конкретного примера рассмотрим вопрос о релевантности чуть более детально. Релевантники считают, что *принцип «из противоречия следует все что угодно»* и дизъюнктивный силлогизм ($P \vee Q, \neg P/Q$) неправильны, потому что их посылки совсем не релевантны их заключениям⁵. Представители классической логики⁶ считают, что эти формы выводов правильны на том основании, что при истинности посылок они не могут привести к ложному заключению. Ясно, что по своей сути данный спор — это спор о том, *что такое* логическая правильность. Ведь релевантники не могут не признавать, что *принцип «из противоречия следует все что угодно»* с необ-

⁵Я следую Андерсону и Белнацу, используя термин «релевантник» для обозначения человека, занимающего такую противоречивую позицию. «Логик-релевантник» изучает системы, где такое возможно, но сам он может быть, а может и не быть релевантником.

⁶В подлиннике «classicists». Перевод «классицисты» (по аналогии с intuitionists — интуиционисты, formalists — формалисты) неудачен в силу того, что слово «классицисты» устарело. Мы переводим «представители классической логики», пользуясь термином «представители классической математики», предложенным в русском переводе книги А. Heyting «Intuitionism». — Прим. переводчика.

ходимостью сохраняет истинность, а значит он *оказывался бы* правильным, если правы представители классической логики, утверждающие, что логическое следование — это сохранение истинности, носящее необходимый характер. Просто дело в том, что это не то, чем является правильность.

Как релевантники поддерживают свое мнение о том, чем является (или не является) логическая правильность? По сути, они обращаются к якобы разделяемым всеми нами интуициям о том, «что из чего следует».

Ясно, из поедания вами яиц сегодня утром не *следует*, что все логики суть логики! Данное заключение может быть истинным и даже необходимо истинным, но никакой связи нет! Ведь почему бы еще мы стали называть такие случаи «парадоксами» строгой импликации, если бы в них не было чего-то забавного?⁷

Я уже объяснил, почему такого рода обращения к интуициям не могут быть весомыми в споре. Более того, у самих релевантников полно причин отнестись к ним подозрительно. Их собственное утверждение о неправильности дизъюнктивного силлогизма — утверждение, которое они должны принять для последовательного опровержения принципа «из противоречия следует все что угодно», — поражает большинство людей чрезвычайной неинтуитивностью. А сами они обвиняют представителей классической логики в том, что интуиции последних испорчены в результате общепринятого образования.

Наверное, идея релевантности не имела бы такого числа приверженцев, если бы ее мотивация покоилась только на интуициях по поводу правильности. У идеи релевантности существует скрытая мотивация, которая обращается к нашим интуициям по поводу здравого рассуждения. Мы можем увидеть это, например, в следующей цитате из Грема Приста, критикующего классический подход к правильности:

Ведь понятие правильности, выходящее из классического подхода, удивительно извращено, так как согласно ему любое правило, чье заключение является логически истинным, правильно, и наоборот, правильно любое правило, чьи посылки содержат противоречие. Благодаря процессу, на который существенно влияет полученное в результате образования внушение, чувствительность большинства логиков к таким

---

⁷В отечественной литературе такие парадоксы называются парадоксами материальной, т.е. классической, импликации. — *Прим. переводчика.*

вопиющим аномалиям сильно снижена. Однако это возможно только потому, что логики также забыли, что логика — это нормативная дисциплина: она должна задать подход к правильному рассуждению. При рассмотрении в таком свете можно оценить всю силу данных несуразностей. Всякий, кто на самом деле стал бы делать выводы о, например, бесконечности простых чисел из произвольной посылки, не задержался бы на университетском математическом курсе надолго [Priest, 1979, p. 297].

В данном фрагменте Прист полагает, что если рассуждение правильно, то всегда верен вывод из его посылок к заключению. Если данное предположение верно, то позиции сторонников релевантности станут более устойчивыми, обращаясь к здоровым интуициям о правильном рассуждении, а не к расплывчатым (и разделяемым в меньшей степени) интуициям по поводу правильности⁸. Кто-то может думать, что допущение Приста безобидно, а другие отвергают его и даже считают, что без данного допущения вся идея релевантности испаряется. Думаю, истина где-то посередине. Однако необходимо прояснить следующее: для того чтобы продвинуться в этом споре, нам необходимо более четко прояснить отношение между правильностью, с одной стороны, и нормами мышления и рассуждения — с другой.

2. Быть нормативной для чего?

Начнем с лозунга «логика является нормативной по отношению к рассуждению». «Рассуждение» можно использовать либо в формальном, либо в неформальном смысле. Неформально, рассуждение — это всего лишь «обусловленное рассуждением изменение точки зрения» (как считает [Harman, 1986])⁹. Рассуждать — это значит размышлять

⁸Теперь Прист отрекается от данного предположения, но не потому, что он отвергает то, как здесь правильно связана с нормами рассуждения. Скорее, он отвергает имеющееся здесь допущение, что теоретико-модельный анализ правильности должен неизбежно обосновывать принцип «из противоречия следует все что угодно». Как он пишет в [Priest, 1999], это зависит от того, существуют ли модели, представляющие нетривиальные и одновременно противоречивые ситуации (p. 202).

⁹См. [Harman, 1984]: «Существует тенденция отождествлять рассуждение с доказательством или выводом согласно логическим правилам. При таком отождествлении, логика, очевидно, играет особую роль в рассуждении. Однако такое отождествление ошибочно. Рассуждение — это не вывод или доказательство. Это процедура пересмотра чьих-то убеждений, приводящая к изменению его точки зрения. . . . Вопрос в таком случае, играет ли логика особую роль в процедуре пересмотра убеждений» (p. 107).

о том, чему верить. Человек рассуждает правильно, если он пересматривает свои убеждения¹⁰ так, как это должно делать (при пересмотре могут происходить добавления или вычитания из множества его убеждений). В более формальном смысле рассуждение — это процесс извлечения следствий из заданного множества посылок. Необязательно верить посылкам: можно просто исследовать их или использовать их в условном доказательстве или *сведениях к абсурду*. Для различения этого процесса и рассуждения в смысле «обусловленное рассуждением изменение точки зрения» мы могли бы назвать его «выведением» (хотя «выведение» может быть так же двусмысленно, как и «рассуждение»). В каком смысле термина «рассуждение» логика задает нормы рассуждения? Является ли логика нормативной по отношению к пересмотру убеждений или по отношению к выведению?

Думаю, довольно бесспорно, что логика задает нормы выведения (в узком смысле извлечения следствий). Ведь логические правила вывода *явным образом* нормативны: например, правило $\supset$ -исключения говорит, что если вы уже записали A и $A \supset B$, вы можете записать B . Эти правила вывода *санкционируют* или *разрешают* делать некоторые выводы.

То есть для такого случая ясно виден смысл, в котором логика нормативна по отношению к рассуждению. Однако этот смысл не очень поможет нам при решении вопросов, которые мы поставили параграфом выше. Наши интуиции о том, разрешен ли вывод какого-то заключения из некоторых посылок (в узком смысле), имеют те же источники, что и наши интуиции по поводу логической правильности — прежде всего, нашу логическую подготовку. (В самом деле, требуется некоторая логическая подготовка для того, чтобы вообще познакомиться с практикой «выведения»: например, человека надо научить не использовать информацию, не содержащуюся в посылках, а также научить его не обращать внимания на истинность посылок.) Таким образом, эти интуиции, вероятно, подвержены таким же «перекосам индоктринации», что и наши интуиции по поводу правильности. Представитель классической логики будет считать, что в формальном рассуждении из противоречия правильно выводить все что угодно, а релевантистик — нет. Если мы собираемся выйти за пределы данного

---

¹⁰В подлиннике «beliefs». В настоящем переводе «убеждение» и «вера» используются как синонимы. Убеждение понимается в смысле, обычном для эпистемической логики. Для перевода «disbelief» используется «неверие». Соответственно, «to believe» переводится как «верить» или «иметь убеждение», «to disbelieve» переводится как «иметь неверие». — *Прим. переводчика.*

конфликта интуиций, нам нужно обсуждать нормы рассуждения в более широком смысле: нормы убеждений и смены убеждений.

Вот еще один способ взглянуть на эту же проблему. Формальное рассуждение — контролируемое извлечение следствий из множества посылок — является *средством*. Мы знакомимся с ним (и знакомим с ним наших студентов) не ради него самого, а потому что думаем, что это средство полезно для сообщения того, чему нам нужно верить. Мы выводим *правильно*, если выводим так, что содействуем этой цели. Тогда в каком случае формальное рассуждение помогает нам пересматривать наши убеждения? Предполагается, что это происходит тогда, когда оно сообщает нам, что логически следует из чего. Однако как *это* знание помогает нам пересматривать наши убеждения? Теперь мы вновь возвращаемся к вопросу о том, как логическая правильность относится к нормам убеждений (или к рассуждению в широком смысле). Вот то, что нам нужно понять¹¹.

Однако понять это гораздо сложнее. В отличие от правил вывода утверждения о логической правильности очевидным образом не являются нормативными по своему содержанию. Если они порождают нормы, то это происходит с помощью некоторого соединительного принципа, связывающего утверждения о логической правильности и нормы убеждений. Однако как уже показал Гильберт Харман, совсем не очевидно, каким должен быть этот соединительный принцип. Если нам неясно различие между рассуждением в узком смысле (выведением) и рассуждением в широком смысле, мы могли бы предположить, что сам факт, что имеет место $A, A \supset B \models B$, *разрешает* любому, кто верит, что A , и верит, что $A \supset B$, верить, что B ¹². Однако это не так. Если B — это противоречие или оно явно ложно (в свете остальных убеждений человека), то он должен вместо этого отвергнуть свое убеждение в A и $A \supset B$. Еще менее правдоподобно, что *обязательно* верить всем логическим следствиям из своих убеждений. В дополнение к предыдущим рассуждениям обращает на себя внимание «избегание загромождения»: действительно ли я должен верить всему бесконечному числу тривиальных логических следствий из своих

¹¹ См. [Harman, 1984]: «Итак, я подумал, что я смог бы понять, как аргументация и вычисление содействуют рассуждению, если бы я смог понять, как понимание импликаций (различных формальных связей для выражения условной связи. — Прим. переводчика) может содействовать рассуждению» (pp. 112–113).

¹² Символ « $\models$ » обозначает логическое следование, A, B — произвольные высказывания. — Прим. переводчика.

убеждений?¹³ Также обращает на себя внимание «излишняя требовательность». Неужели нормы логики так требовательны, что ни один человек не смог бы удовлетворять им? Ведь ни один человек не смог бы верить *всем* логическим следствиям из системы арифметических аксиом Пеано. Можно отступить и занять более умеренную позицию, что логика задает только *отрицательные* требования к убеждениям: не обязательно верить тому, что противоречиво, например. Однако даже тут могут возникнуть вопросы:

... даже у правила «Избегай противоречия!» есть исключения, если оно требует от человека не верить тому, что, по его сведениям, противоречит друг другу. Открыв противоречивость своих убеждений, человек может сразу не увидеть никакого легкого пути, позволяющего изменить свои убеждения и тем самым избежать противоречия, а также у него может не быть времени или способностей придумать наилучший выход из этого положения. В таком случае человеку придется (по крайней мере, иногда) молча соглашаться с противоречием и стараться держать его достаточно изолированно. Я бы предположил, что именно так и поступает большинство обычных людей по отношению к парадоксальным рассуждениям.

Более того, рациональный и могущий ошибаться человек должен верить, что по крайней мере одно из его или ее убеждений ложно. Но тогда не все его или ее убеждения могут быть истинны, так как если все остальные убеждения истинны, вот это вот последнее убеждение станет ложным. Поэтому в этом смысле убеждения рационального человека противоречивы [Harman, 1984, pp. 108–109].

В таком случае даже сужение логических норм до запрещения противоречивых убеждений представляется слишком строгим. Хотя в другом случае оно же представляется слишком слабым. Представляется неправильным, что логика задает только отрицательные требования к убеждениям. Мы критикуем людей не только за наличие противоречивых убеждений, но и за неспособность принять логические следствия из своих убеждений.

Вопросы переплелись между собою. Давайте попытаемся рассмотреть их более систематично.

3. Соединительный принцип

Нам нужен соединительный принцип следующей формы:

---

¹³Рассмотрение обоих вопросов см. [Harman, 1984, p. 113], [Harman, 1986].

Соединительный принцип: Если $A, B \models C$, то (нормативное утверждение об убеждении в A, B и C).

Вопрос в том, как должен выглядеть консеквент. Изменяя три параметра, мы можем построить соответствующее множество вариантов:

1. *Тип деонтического оператора.* Порождают ли факты о логической правильности строгие *обязательства, разрешения* или (отменимые) *основания* убеждений?
2. *Полярность.* Это *обязательства/разрешения/основания верить* или же только *не иметь неверия*?¹⁴
3. *Область действия деонтического оператора.* Данные нормы в некотором смысле условны: то, во что человек должен/может/имеет основания верить относительно C , зависит каким-то образом от того, во что он должен/может/имеет основания верить относительно A и B . Распространяется ли деонтический оператор на *консеквент* условного высказывания ($P \supset O : Q$), или и на антецедент и на консеквент вместе ($O : P \supset O : Q$), или на все условное высказывание ($O : (P \supset Q)$)?

Таблица 1: Если $A, B \models C$, то ...

С Деонтический оператор, встречающийся в консеквенте¹⁵.

о Деонтический оператор: строгое обязательство (должен).

Со+ если вы верите, что A , и верите, что B , то вы должны верить, что C .

Со- если вы верите, что A , и верите, что B , то вы должны не иметь неверия¹⁶, что C .

р Деонтический оператор: разрешение (может).

Ср+ если вы верите, что A , и верите, что B , то вы можете верить, что C .

¹⁴В подлиннике «*not to disbelieve*». Подробнее о смысле «*не иметь неверия*» см. ниже комментарий 3 к Таблице 1. — *Прим. переводчика.*

¹⁵С — от первой буквы слова «consequent» — консеквент; о — от первой буквы слова «obligation» — обязательство; р — от первой буквы слова «permission» — разрешение; г — от первой буквы слова «reason» — основание; В — от первой буквы слова «both» — и...и...; W — от первой буквы слова «whole» — все. — *Прим. переводчика.*

¹⁶В подлиннике «*you ought not disbelieve*». — *Прим. переводчика.*

Cr- если вы верите, что A , и верите, что B , то вам разрешено не иметь неверия, что C .

r Деонтический оператор: «иметь (отменимое) основание для».

Cr+ если вы верите, что A , и верите, что B , то у вас есть основание верить, что C .

Cr- если вы верите, что A , и верите, что B , то у вас есть основание не иметь неверия, что C .

V Деонтический оператор, встречающийся и в антецеденте, и в консеквенте.

o Деонтический оператор: строгое обязательство (должен).

Vo+ если вы должны верить, что A , и верить, что B , то вы должны верить, что C .

Vo- если вы должны верить, что A , и верить, что B , то вы должны не иметь неверия, что C .

p Деонтический оператор: разрешение (может).

Vp+ если вы можете верить, что A , и верить, что B , то вы можете верить, что C .

Vp- если вы можете верить, что A , и верить, что B , то вам разрешено не иметь неверия, что C .

r Деонтический оператор: «иметь (отменимое) основание для».

Vr+ если у вас есть основание верить, что A , и верить, что B , то у вас есть основание верить, что C .

Vr- если у вас есть основание верить, что A , и верить, что B , то у вас есть основание не иметь неверия, что C .

W Область действия деонтического оператора — все условное высказывание.

o Деонтический оператор: строгое обязательство (должен).

Wo+ вы должны соблюдать следующее: если вы верите, что A , и верите, что B , то вы верите, что C .

Wo- вы должны соблюдать следующее: если вы верите, что A , и верите, что B , то у вас нет неверия, что C .

p Деонтический оператор: разрешение (может).

Wp+ вы можете соблюдать следующее: если вы верите, что A , и верите, что B , то вы верите, что C .

Wp- вы можете соблюдать следующее: если вы верите, что A , и верите, что B , то у вас нет неверия, что C .

r Деонтический оператор: «иметь (отменяемое) основание для».

Wr+ у вас есть основание соблюдать следующее: если вы верите, что A , и верите, что B , то вы верите, что C .

Wr- у вас есть основание соблюдать следующее: если вы верите, что A , и верите, что B , то у вас нет неверия, что C .

-k (как суффикс к любому из вышеприведенных вариантов): тогда антецедентом соединительного принципа является «Если *вы знаете, что* $A, B \models C \dots$ ».

Всего получается 18 вариантов, представленных и обозначенных в Таблице 1.

Несколько комментариев по поводу таблицы:

1. В схеме именования первая буква обозначает область действия деонтического оператора, вторая — его тип, а третья — полярность. Поэтому, например, **Wo-** читается как

Если $A, B \models C$, то вы должны соблюдать следующее: если вы верите, что A , и верите, что B , то у вас нет неверия, что C ,

где деонтическим оператором является обязательство (**o**), область действия распространяется на все условное высказывание (**w**), а полярность отрицательна (**-**). Некоторые считают, что только *известные* факты о логической правильности порождают нормы мышления¹⁷. Мы можем учесть это, добавив к указанным вариантам суффикс **k**, который меняет антецедент соединительного принципа на «Если *вы знаете, что* $A, B \models C \dots$ ». Таким образом, **Br+k** читается как

Если вы знаете, что $A, B \models C$, то если у вас есть основание верить, что A , и верить, что B , то у вас есть основание верить, что C .

Всего получается 36 вариантов соединительного принципа. (Отметим: условные высказывания во всех этих вариантах должны считаться, по крайней мере в данный момент, классическими.)¹⁸

¹⁷Например, [Sainsbury, 2002, p. 3].

¹⁸В подлиннике «material condition». «Материальная» условная связка — одно из названий классической условной связки, особенно в сравнении с неклассическими условными связками — релевантной и др. — *Прим. переводчика*.

2. Выражение «вы должны не Φ » не следует понимать в смысле «неверно, что вы должны Φ ». Его следует понимать скорее в смысле «вам запрещено Φ », что, следуя [Belnap, Perloff and Xu, 2001] я понимаю как «необходимо, чтобы вы воздерживались от делания Φ », то есть «необходимо, что вы соблюдаете следующее: вы не делаете Φ »¹⁹.
3. «Неверие»²⁰ — это ментальное состояние, которое находится в таком же отношении к убеждению, как отрицание — к утверждению. Это не то же самое, что «отсутствие убеждения»²¹: есть множество вещей, в отношении которых человек не испытывает ни убеждения, ни неверия. Варианты соединительного принципа с отрицательной полярностью говорят «у вас нет неверия, что C » вместо «вы не верите, что $\neg C$ » по двум причинам. Во-первых, представляется нежелательным вводить специфические логические константы в общий принцип, показывающий, как логика относится к мышлению. Лучше всего говорить о логике, заданной в не содержащем отрицания фрагменте языка, и должен быть способ связать такую логику с нормами мышления, не вводя новый словарь. Во-вторых, и это более важно, спорно фрегевское отождествление «неверия, что p » и «убеждения, что не- p ». Сторонники диалетеизма²² отвергают это, потому что они полагают, что иногда нужно верить, что одновременно p и не- p (где p одновременно истинно и ложно), хотя никогда нельзя «одновременно верить и не верить, что p »²³. Сторонник диалетеизма мог бы привести разумное обоснование для

Во- Если $A, B \models C$, то вы должны соблюдать следующее: если вы верите, что A , и верите, что B , то у вас нет неверия, что C ,

но не смог бы привести разумное обоснование для

¹⁹Так, например, в формулировках вариантов Со- и Во- выражение «вы должны не иметь неверия, что C » надо понимать в смысле «вам запрещено иметь неверие, что C ». — *Прим. переводчика.*

²⁰В подлиннике «disbelieving». — *Прим. переводчика.*

²¹В подлиннике «not believing». — *Прим. переводчика.*

²²Диалетеизм (dialetheism) — философско-логическое учение о диалетейях, предложенное Г. Пристом. Диалетейя (dialetheia) — это высказывание A такое, что и A и его отрицание одновременно истинны. Подробнее об этом в статье Х. Филда в настоящем сборнике. — *Прим. переводчика.*

²³См. [Priest, 1998, p. 425].

$\text{Wo}\neg$ Если $A, B \models C$, то вы должны соблюдать следующее: если вы верите, что A , и верите, что B , то вы не верите, что $\neg C$.

Так как сторонник паранепротиворечивой логики принимает $A \models A$, $\text{Wo}\neg$ привел бы к глобальному запрету верить в произвольное утверждение и его отрицание²⁴.

4. Разница между обязательствами и основаниями в том, что обязательства строги, а основаниям свойственны отменимость и *pro tanto*²⁵. Если кто-то должен сделать A , а он не делает A , его подвергают критике за это; иначе происходит, если у кого-то есть основание сделать A , а он не делает A . Если у кого-то есть основание сделать A и нет основания не делать A , тогда, скорее всего, он должен сделать A . Однако часто у кого-то есть основания и для того, чтобы сделать A , и для того, чтобы не делать A . В таком случае более сильное основание определяет, что надо делать. Нужно идти на занятия, даже если есть основание прогуляться вместо них, ведь имеется еще более убедительное основание идти на занятия. Конфликтующие основания такого рода являются нормой в повседневных рассуждениях; конфликтующие обязательства, если они вообще возможны, встречаются гораздо реже. В уникальном случае конфликтующих обязательств нельзя уйти, не получив порицания. Неважно, что сделано, человек получает порицание потому, что не смог сделать то, что должен. Давайте оставим открытым вопрос, могут ли обязательства конфликтовать таким образом.

Что же говорят доводы за и против различных возможных способов заполнения соединительного принципа? Мы можем сразу убрать все S -варианты. Мы уже упоминали точку зрения Хармана, что если кто-то обнаружит, что его убеждения логически влекут противоречие, то он вообще-то должен скорее пересмотреть свои послышки, чем принять это противоречивое заключение. В [Broome, 2000] имеется

²⁴Хартри Филд также отвергает отождествление неверия и веры в отрицание, но по несколько другим причинам: он считает, что человек должен иногда иметь неверие (или, по его терминологии, «отвергать») одновременно, что p и что не- p , хотя он никогда не должен верить одновременно, что не- p и что не-не- p . Для Приста неверие сильнее веры в отрицание; для Филда — слабее.

²⁵*Pro tanto* (лат.) — соответственно, пропорционально, до какой-то степени. Однако из определений *pro tanto* основания Φ , что только оно говорит в пользу делания Φ . — Прим. переводчика.

элегантный довод против $Co+$. Любая нетривиальная логика будет содержать $A \models A$ в качестве теоремы. Тогда $Co+$ влечет, что для любого A , если вы верите, что A , вы должны верить, что A . Однако, как показывает Брум, убеждения не «обосновывают сами себя» таким образом (р. 85). Иногда мы верим в то, во что *не* должны верить. Аналогичны доводы против $Co-$, $Sr+$ и $Sr-$ (а также против их $-k$ вариантов).

Неверность $Sr+$ и $Sr-$ не такая явная. Согласно $Sr+$, у нас есть отменяемое основание верить каждому логическому следствию из наших устоявшихся убеждений. Это звучит не так уж абсурдно; на самом деле, некоторые философы с этим согласны. Проблема в том, что они принимают это потому, что данное утверждение — это следствие двух других утверждений, в которые они верят:

- (1) Если вы верите, что A , у вас есть (отменяемое) основание или «право по умолчанию» верить, что A . (Сам факт наличия у вас убеждения является *pro tanto* основанием сохранять это убеждение.)²⁶
- (2) Если $A, B \models C$, то если у вас есть основание верить, что A , и верить, что B , то у вас есть основание верить, что C . (Отношение «основание верить, что» замкнуто относительно логического следования.)

Однако (2) — это всего лишь $Br+$. Мог бы кто-нибудь разумно принять $Sr+$ и *не* принять $Br+$? Это означало бы отрицание того факта, что «иметь основание» вообще передается к логическим следствиям, в то время как уже есть утверждение того факта, что «иметь основание» передается к логическим следствиям из убеждений. Трудно было бы понять доводы в пользу данной точки зрения, поэтому я буду предполагать, что всякий принимающий $Sr+$ также примет $Br+$. Аналогичные доводы позволяют нам избавиться от оставшихся Sr -вариантов.

Теперь рассмотрим B -варианты и W -варианты. Думаю, ясно, что B -варианты слишком слабы. Согласно B -вариантам, логическое следование — это канал, с помощью которого существующие нормы убеждения (обязательства, разрешения, основания) могут быть *расширены*. Например, согласно $Bo+$, если вы должны верить в посылки правильного рассуждения, то вы должны верить в его заключение. Однако как быть, если вы верите в эти посылки, хотя вам и не следует этого делать? Тогда $Bo+$ абсолютно ничего не говорит о том, во что вам

²⁶Данная точка зрения изложена, например, в [Harman, 1986].

следует или вы можете верить. Схожим образом, если у вас нет основания верить, что A , и верить, что B , но вы тем не менее в них верите, $\text{Вт}+$ вообще ничего не говорит о том, есть ли у вас основание верить в их конъюнкцию $A \wedge B$. Согласно В -вариантам тогда получается, что логика нормативна только для тех, чьи убеждения уже в порядке, то есть для тех, кто верит в то, во что должен верить (или может верить, или имеет основание верить). К оставшимся несчастным логические нормы попросту неприменимы. Может быть, мы и в состоянии стерпеть такое следствие, однако оно кажется мне веской причиной предпочесть W -варианты В -вариантам. В конце концов, если не получится с W -вариантами, мы можем вернуться обратно к В -вариантам²⁷. В -варианты, по крайней мере, не обладают нежелательными чертами С -вариантов.

В W -вариантах также не возникают проблемы, с которыми столкнулись С -варианты. Допустим, вы верите, что A , и верите, что B , и допустим, вы убедились в следующем: A и B логически влекут C . Согласно $\text{Wo}+$, вы должны убедиться в следующем: *если* вы верите, что A и B , вы также верите, что C . Ясно, что вы можете сделать это либо поверив, что C , либо отказавшись от вашего убеждения в A или B . Таким образом, $\text{Wo}+$ как раз и учитывает тот факт, что требования логики могут выполняться как вычитаниями или изменениями, так и добавлениями в убеждениях. К тому же, в отличие от В -вариантов, W -варианты утверждают нормы, применимые ко всем имеющим убеждения, а не только к тем, кто уже верит в то, что нужно (или можно, или имеет основание).

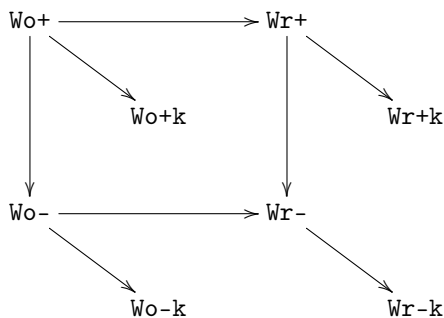
Перед тем как перейти к действительно сложным вариантам, мы, тем не менее, можем еще кое-что убрать. Сразу можно убрать Wp -варианты. Как мы видели, правила вывода, то есть правила рассуждения в узком смысле, суть разрешения. Однако логические нормы относительно убеждений — рассуждения в широком смысле — суть явные *ограничения* некоторого вида. Согласно $\text{Wp}+$, вы *можете* соблюдать следующее: если вы верите, что A и $A \supset B$, то вы вери-

²⁷Заметим, что при разумных допущениях Wo -варианты влекут Vo -варианты, однако Wp -варианты не влекут Vp -варианты, а Wt -варианты не влекут Vt -варианты. Возможна ситуация, когда у кого-то имеется основание верить, что A , и верить, что B , и несовместимое основание соблюдать следующее: если он верит, что A , и верит, что B , он верит, что C ; в таком случае не следует, что у него есть основание верить, что C . Аналогично, возможна ситуация, что кому-то разрешено соблюдать следующее: он верит, что A , и верит, что B , и разрешено соблюдать следующее: если он верит, что A , и верит, что B , он верит, что C , но ему не разрешено делать оба этих действия одновременно.

те, что B . Однако вы не обязаны так делать. В отношении всего, что утверждает $Wp+$, у вас даже нет *основания* так делать! Разница между Wp -вариантами и позицией, согласно которой нет логических норм убеждений, представляется действительно незначительной.

У нас остались еще восемь претендентов: Wo -варианты и Wr -варианты. При разумном допущении, что у вас есть основание делать то, что нужно, Wo -варианты влекут соответствующие Wr -варианты. При разумном допущении, что вы должны соблюдать следующее: если вы верите, что C , то у вас нет неверия, что C , положительные варианты полярности влекут своих отрицательных партнеров. А при условии, что «знаю» относится к фактам, k -варианты следуют из соответствующих не- k -вариантов. Таким образом, их можно следующим образом соединить стрелками, упорядочив по силе:

Каковы доводы за и против каждого из этих вариантов? Далее следуют некоторые из них.

1. ЧРЕЗМЕРНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ. $Wo+$ влечет, что вы должны или прекратить верить аксиомам арифметики Пеано, или также поверить всем ее теоремам. Мы, люди, по-видимому, не способны выполнить последнее. Даже если бы джинн даровал нам способность к арифметическому всеведению, неясно, имелось бы у нас основание принять это. Только небольшое число теорем, вероятно, имеет для нас какую-либо практическую или теоретическую пользу; зачем мы должны загромождать свои мозги всем остальным?²⁸ Поэтому представляется, что человек мог бы соответствовать этой норме только единственным реально выполнимым способом — перестать верить аксиомам Пеано. Этот

²⁸Все эти аргументы, где встречается «загромождение», см. в [Harman, 1986], [Sainsbury, 2002, 1].

же довод можно было бы применять к любому множеству аксиом, из которого выводимо обильное число следствий. Однако это безумие считать, что логика (в совокупности с данными предпосылками по поводу человеческих способностей) запрещает нам верить таким аксиомам, даже если они непротиворечивы и истинны!

Wo+k избегает этой проблемы, потому что мы не всезнающи относительно того, что логически следует из данных аксиом. Не представляется неразумным сказать, что если вы *знаете*, что нечто является теоремой арифметики Пеано, вы должны этому верить (или прекратить верить в аксиомы). Wo- избегает эту проблему иначе. Он запрещает нам иметь неверие теоремам, поверив аксиомам, но позволяет нам занимать и нейтральную позицию — ни верить, ни иметь неверия — по отношению к большинству из них. Wr+ только влечет, что если вы верите в аксиомы, у вас есть *pro tanto* основание верить каждой теореме. Так как данное основание могут перевесить другие, более сильные основания, у Wr+ нет такого же нежелательного вывода, как у Wo+.

2. ПАРАДОКС ПРЕДИСЛОВИЯ. Вы написали книгу — авторитетный источник знаний о морских черепахах. Вы верите каждому утверждению, сделанному вами в книге. И все-таки вы также верите, основываясь на общей индукции, что по крайней мере одно из утверждений ложно. Поэтому не верите в конъюнкцию всех утверждений в книге. Более того, у вас есть неверие в нее, несмотря на факт, что это (известное) логическое следствие из других вещей, в которые вы верите. И ваша позиция представляется вполне здоровой. Только во избежание противоречия было бы безумием отказываться либо от вашего убеждения относительно всех утверждений, сделанных вами в книге, либо от вашего вполне обоснованного убеждения, что по крайней мере одно из них ложно. Все же создается впечатление, что именно это вы *должны* сделать, согласно Wo-вариантам.

В такой ситуации Wr-варианты выглядят лучше. Возможно, у вас на самом деле есть *основание* пересмотреть свои убеждения. Однако из-за того, что у вас есть более сильные, перевешивающие основания оставить их так, как они есть, несмотря

на противоречие, из Wr -вариантов не следует, что вы должны их отбросить²⁹.

3. ИСПЫТАНИЕ НА СТРОГОСТЬ. [Broome, 2000] доказывает, что «отношение между верю, что p , и верю, что q (логическое следствие из p), является строгим. Если вы верите, что p , и не верите, что q , вы на самом деле являетесь не вполне тем, кем обязаны быть» (р. 85). Wr -варианты не фиксируют такую строгость. Согласно этим вариантам, вы можете верить, что p , но не верить его логическому следствию q , и при этом быть тем, кем должны быть. Пользуясь терминологией Брума, убеждение в p «рекомендует» убеждение в q , но не «требует нормативно» этого. Возможно, в свете парадокса предисловия это правильный результат. Если вы являетесь «вполне тем, кем обязаны быть», будучи убежденным в каждом из своих утверждений и имея неверие в их конъюнкцию, то случай с предисловием — контрпример для испытания на строгость, предложенного Брумом. Кажется все же, кое-что проходит испытание на строгость, по крайней мере, в обычных случаях. Но, пожалуй, законы не пишутся на основании исключений.
4. ВОПРОС СТАРШИНСТВА. Согласно $-k$ -вариантам, мы подвержены логическим нормам только потому, что обладаем логическим знанием. Чем менее мы знаем о том, что логически следует из чего, тем свободнее мы должны верить во все, что хотим — несмотря на логическую противоречивость этого. Но это поворачивает нас вспять. Мы ищем логическое знание, чтобы узнать, как мы должны пересматривать свои убеждения: не просто, как мы должны *будем* пересмотреть их, когда обретем это логическое знание, а как мы должны пересмотреть их даже сейчас, в нашем состоянии незнания.
5. ЛОГИЧЕСКАЯ БЕСТОЛКОВОСТЬ. Предположим, кто-то верит, что A , и верит, что B , но просто не принимает их конъюнкцию $A \wedge B$. Интуитивно мы понимаем, что с ним что-то не так: он поступает нелогично. Однако согласно Wo - он не нарушает ни одного логического обязательства, не проведя пересмотр своих убеждений, и согласно Wr - у него даже нет основания пересматривать их, по крайней мере, нет основания, которое относится

²⁹[Sainsbury, 2002] использует парадокс предисловия для оправдания перехода от чего-то похожего на Wo -к к Wr -к.

к логике. Это представляется неправильным, наводя на мысль, что варианты с отрицательной полярностью слишком слабы.

Мы можем подытожить довольно запутанную картину в виде таблицы:

	Wo+	Wo+k	Wo-	Wo-k	Wr+	Wr+k	Wr-	Wr-k
Требования	x							
Предисловие	x	x	x	x				
Строгость					x	x	x	x
Старшинство		x		x		x		x
Бестолковость			x	x			x	x

(где x напротив каждого из доводов обозначает варианты, которые данный довод отбрасывает, считая их слишком сильными или слишком слабыми). Неясно, в каком порядке надо расположить доводы по значимости: как это часто бывает, каждый тянет в свою сторону. (Что примечательно, каждая колонка содержит хотя бы одну метку.) Мне интересно посмотреть, что об этом думают другие³⁰.

Меня самого привлекает комбинация Wo- и Wr+. (Таким образом, я принимаю Wo-, Wo-k (следующий из него) и все Wr-варианты. Я отвергаю Wo+ и Wo+k.) Позвольте мне сказать почему. Я полагаю, что довод о чрезмерной требовательности показывает, что Wo+ слишком строг, а довод о вопросе старшинства показывает, что -k-варианты слишком слабы. Тогда остаются Wo- и Wr-варианты. В нашей таблице Wo- отмечен двумя метками, напротив парадокса предисловия и логической бестолковости. По-моему, связанное с доводом о бестолковости затруднение разрешится, если мы *также* возьмем Wr+. Это позволит нам сказать, что у логически бестолкового человека по крайней мере имеется *основание* пересмотреть свои убеждения. Поэтому настоящей проблемой является парадокс предисловия. Если он на самом деле показывает, что Wo- слишком строг, нам придется удовлетвориться Wr-вариантами. А значит учиться жить с идеей, что логические нормы не являются, по терминологии Брума, «строгими». Однако показывает

³⁰В литературе существует значительный разброс во мнениях. [Harman, 1984] и [Harman, 1986], по-видимому, считает, что ни в одном из них нет ничего хорошего. (Замечание по поводу Wr-вариантов см. [Harman, 1984, 109].) [Broome, 2000] склоняется к Wo+. [Sainsbury, 2002] склоняется, по сути, к Wr-k. Многие авторы рассуждают о логических нормах рассуждения так расплывчато, что я не уверен, в чем состоит их позиция.

ли парадокс предисловия на самом деле то, что по нашим представлениям он показывает?³¹

Если мы серьезно рассмотрим строгость, мы должны сказать, что тот, кто верит $A_1, A_2, \dots$, и A_n , но имеет неверие в их конъюнкцию, не является «вполне тем, кем он обязан быть». Что-то *не так* с его убеждениями, и с его стороны было бы большой нерадивостью не предпринять шаги, чтобы исправить это. Парадокс предисловия оттесняет эту идею в сторону, когда показывает, что можно при прочих равных условиях совершенно *разумно* сохранять описанную структуру убеждений, состоящую из веры в отдельные высказывания и неверия в их конъюнкцию. Мы не критиковали бы сторонника последнего подхода за то, что он не пересмотрел свои убеждения в такой ситуации. Более того, мы *стали бы* критиковать его, если бы в ответ он отказался от веры во все свои утверждения о морских черепахах *или* отказался бы от своего хорошо обоснованного фаллибилизма. При условии, что он предпринимает наилучший порядок действий, ему доступных, он на самом деле является «вполне тем, кем он обязан быть».

Однако данное рассуждение неправильно. Из того факта, что более разумным для нашего писателя является сохранение своей логически противоречивой модели, состоящей из веры и неверия, а не пересмотр ее *с помощью способов, доступных ему в текущей ситуации*, логически не следует, что он не обязан пересмотреть то, во что он верит и во что имеет неверие, так, чтобы восстановить логическую непротиворечивость. Ведь возможно, что восстановление непротиворечивости его убеждений с помощью любого из способов, доступных ему в текущей ситуации, *тоже* запрещено. Он не может отказаться от *всех* своих личных убеждений о морских черепахах, потому что в каждом случае он обязан верить в то, для чего у него есть убедительное подтверждение. Однако он также не может отказаться от

---

³¹Трудность, проявляющаяся при одновременном действии испытания на строгость и парадокса предисловия, возможно говорит о необходимости соединительного принципа совершенно иной формы, чем все рассмотренные выше, формы, чувствительной к таким различиям, которые отличают случаи с предисловием, в котором разрешено иметь противоречивые убеждения, от обычных случаев, в которых это не разрешено. Однако мне представляется, что формулировка такого принципа потребовала бы от нас отказа от рассуждения о «вере» и «неверии» в пользу рассуждения о «степенях веры», а возможно также и обобщения рассуждения о «логическом следовании» до рассуждения о «степени очевидности подтверждения». Это интересная задача, однако я должен ограничиться здесь неколичественной структурой, с которой мы начинали.

того, что имеет неверие в свою собственную непогрешимость, потому что данный факт, полученный по обобщающей индукции, тоже хорошо обоснован свидетельствами. Таким образом, он находится между конфликтующими обязательствами. Что бы он ни делал, он не будет «вполне тем, кем он обязан быть».

Таким образом, парадокс предисловия опровергает Wo- только в случае, если кто-то отрицает (или игнорирует) возможность конфликтных обязательств. В некоторых контекстах разумно отрицать возможность конфликтных обязательств. Например, многие философы считали, что настоящие моральные обязательства (в отличие от моральных оснований) не могут конфликтовать друг с другом: независимо от ситуации, в которой находится агент, он всегда может совершить морально разрешенный поступок. Я не уверен, почему мы должны верить этому, но даже если это так, невозможно обобщить эту идею на все виды обязательств. Ясно, что возможны конфликтующие *юридические* обязательства, если закон сформулирован плохо. Еще более ясно, что обязательства одного вида могут конфликтовать с обязательствами другого вида: например, моральные обязательства могут конфликтовать с юридическими так, что кому-то надо делать выбор между поступком, запрещенным законом, и поступком, запрещенным моралью. Так что было бы опрометчиво предполагать, что логические обязательства не могут конфликтовать с другими видами в широком понимании эпистемических обязательств. Но это имеет место, только если мы предположим, что парадокс предисловия опровергает Wo-варианты.

В самом деле, задача о предисловии — это всего лишь одна задача из большого ряда структурно одинаковых задач о конфликтных обязательствах, имеющих место в неидеальных обстоятельствах. Давайте взглянем на другую задачу, не имеющую ничего общего с нормами убеждений. Вы — управляющий фабрикой изделий. Согласно законам вашей страны вы законодательно обязаны не нанимать никаких нелегальных иммигрантов. Однако в законе (в отличие от действующего сейчас в США закона) не прописаны никакие формальные процедуры, связанные с проверкой документов. Вы тщательно проверяете документы каждого желающего устроиться, но вы знаете, что этот процесс не является безупречным, и, пользуясь вашим опытом, полученным на других подобных фабриках, вы совершенно точно верите, что по крайней мере один из ваших работников — нелегальный иммигрант. Что же вам делать? На данный момент у вас нет никакого способа определить, кто из работников является нелегалом, кроме

той проверки, которой вы уже пользовались. Увольнение всех работников нарушило бы ваше обязательство перед советом директоров и акционерами компании. Увольнение некоторых из них, выбранных в произвольном порядке, не гарантировало бы соблюдения закона, и нарушило бы моральные и, возможно, юридические обязательства перед уволенными работниками. В общем, представляется наилучшим способом не увольнять никого. Однако это означает нарушение юридического обязательства. Таким образом, вы не являетесь «вполне тем, кем вы обязаны быть». Здесь, как и в парадоксе предисловия, мы имеем ситуацию, в которой

1. Вы должны соблюдать, что P .
2. Вы должны соблюдать, что Q .
3. Ни один поступок, доступный вам в данный момент, не осуществит и P , и Q .

В таком случае что бы ни делал человек, он не в состоянии сделать то, что он должен.

Как насчет того, что мы не считаем, что в такой ситуации человек заслуживает *критики* за его неспособность выполнить оба предполагаемых обязательства? Не показывает ли это, что одно из них на самом деле совсем не является обязательством? Нет, не показывает. Данное рассуждение предполагает слишком непосредственное отношение между обязательствами и критикой. Можно избежать критики за неспособность жить согласно своим обязательствам, если у человека есть подходящее *извинение*. А конфликтные обязательства часто выступают оправданием в таком случае. (Хотя и не всегда: возможна ошибка самого агента, которая принудила его к такому выбору.) Вообразите себя снова управляющим фабрикой изделий. Будет ли кто-нибудь серьезно настаивать на том, что в силу того, что вы не заслуживаете критики за ваши поступки — вы совершаете наилучшие поступки, которые вы можете делать в таких обстоятельствах, — у вас на самом деле нет юридического обязательства не брать на работу нелегальных мигрантов?

Пока что я использовал аналогию с фабрикой изделий, чтобы показать, как слаб парадокс предисловия перед $Wo-$. Но вот важный момент — состоящий в отсутствии аналогии, — который приводит к еще более прямому ответу на парадокс предисловия. В случае с фабрикой вы действительно можете удовлетворить обязательство и уволить

всех. Возможно, вы так бы и поступили, если бы вы дополнительно не находились под какими-то иными обязательствами. Аналогичным образом действий в случае с предисловием стал бы отказ от всех ваших убеждений о морских черепахах. Однако в отличие от увольнения всех работников это совсем не является открытым образом действий. Если вы действительно верите всему тому, что написали о морских черепахах, вы не можете так просто *решиться* и прекратить верить всему этому. Разумеется, если вы не сошли с ума, вы не можете так просто сказать: «Итак, конечно, существуют убедительные основания считать данные утверждения истинными, но я не буду им верить». Вера в таких случаях не бывает добровольной³². И вы не можете так просто взять и прекратить неверие в их конъюнкцию, по поводу которой у вас есть много оснований для скептицизма. Поэтому проблема не просто в том, что, хотя оба образа действий вам доступны, оба нарушают (конфликтующие) обязательства. Проблема в том, что ни один из них на самом деле вам не доступен.

Предположим, вы захотели подчиниться норме, следующей из Wo-:

Вы должны соблюдать следующее: или у вас нет неверия в конъюнкцию своих утверждений о морских черепахах, или вы не верите ни одному (или большинству) этих утверждений.

Как бы вы с этим поступили? Вы стали бы критически рассматривать данные утверждения. Вы стали бы тщательнее изучать, попытались бы прочнее обосновать их проверенной теорией, опубликовали бы их, чтобы остальные могли проверить их, и вообще сделали бы все, что делает порядочный ученый. То есть вы изменяли бы свои убеждения косвенно, отыскивая новое свидетельство, а не с помощью силы воли. Это единственный открытый для вас образ действий, который возможно считать соблюдением того, что ваши убеждения пересматриваются упорядоченным образом. Однако так поступать совсем не глупо. Именно так и *надо* поступать. Глупо было бы сесть и заявить: «Итак, мои убеждения противоречивы, ну и что? Парадокс предисловия говорит, что все в порядке».

Если подвести итог, парадокс предисловия не свидетельствует о том, что Wo-варианты слишком сильны. Когда кто-то обнаруживает себя в ситуации с убеждениями и неверием, аналогичной предисловию, ему нужно соблюдать требование их изменения. При этом данный процесс включает в себя не *решение* изменить свои убеждения, а

³²Классическим текстом по этому поводу является [Williams, 1973].

поиск дополнительных свидетельств, могущих изменить его взгляды. Более того, рассуждение, заимствованное из парадокса предисловия и направленное против Wo -вариантов, кажется безосновательно предполагает, что подлинные конфликтные эпистемические нормы не существуют. Это никак не говорит о состоятельности $Wo+$: он исключается своей собственной чрезмерной требовательностью. Поскольку параметр старшинства исключает $Wo+k$ и $Wo-k$, нам остается $Wo-$. Единственная оставшаяся проблема с $Wo-$ состоит в том, что его цензура бессильна против «логически bestолкового» человека, отказывающегося верить в конъюнкцию двух утверждений, в каждое из которых он верит по отдельности, даже если нет никакой причины не делать этого. Мы решаем эту проблему принятием еще и $Wr+$.

4. Три применения

Теперь я хочу рассмотреть (очень кратко) последствия влияния различных вариантов соединительного принципа на некоторые центральные вопросы, связанные с понятием логической правильности. Коль скоро мы зафиксировали взгляд на отношение между правильностью и нормами убеждений, мы можем прибегнуть к независимому анализу последних и с помощью этого решить вопросы, связанные с первой. Для адекватного решения этих вопросов здесь не хватит времени; мои комментарии направлены только на то, чтобы проиллюстрировать ту методологию, которую я нахожу более приемлемой, чем обычное усердствование в интуиции.

4.1. Релевантность

Начнем со спора между релевантниками и сторонниками классической логики. Последние считают, что для любых A и B вывод B из A и $\neg A$ правилен, при этом неважно, как глубоко они связаны между собою. Релевантники отрицают это. Можем ли мы разрешить этот спор, рассмотрев нормы, которые обязаны своим появлением этому спорному заключению?

Было бы легко отстаивать релевантность, используя в качестве соединительного принципа $Sr+$. Нужно только помнить, что люди, которые обнаружили противоречивость своих убеждений (возможно, по причинам, упомянутым в парадоксе предисловия), совсем не обязаны поэтому верить *всему*. Однако, как мы уже видели, существует множество причин отвергать $Sr+$. Можно ли также создать подходящую для релевантности «нормативную» формулировку с использованием более защищенного варианта соединительного принципа, подобно $Wo-$,

W_0+k или $W_{\Gamma+}$? Возьмем типичный «нерелевантный» пример *принципа* «из противоречия следует все что угодно»:

- (I) Рост Франка — 180 см, рост Франка — не 180 см / у Лизы есть домашняя игуана.

Если (I) правильно и, предположим, это известно, тогда все три рассматриваемых нами соединительных принципа порождают следующие нормы:

- (N_{W_0-}) Вы должны соблюдать следующее: либо вы не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, либо у вас нет неверия в то, что у Лизы есть домашняя игуана³³.
- (N_{W_0+k}) Вы должны соблюдать следующее: либо вы не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, либо вы верите, что у Лизы есть домашняя игуана.
- ($N_{W_{\Gamma+}}$) У вас есть основание соблюдать следующее: либо вы не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, либо вы верите, что у Лизы есть домашняя игуана.

Правдоподобно ли считать, что такие нормы существуют? Есть ли на самом деле у меня обязательство или даже основание скорректировать свои убеждения таким образом, чтобы либо у меня не осталось противоречивых убеждений по поводу Франка, либо я остался с верой в то, что у Лизы есть домашняя игуана? Если хотя бы один из взятых нами соединительных принципов верен, это именно то, что следует из (I). Поэтому мы можем спорить с (I), высказываясь против одной из предположенных здесь норм убеждений и применяя соответствующий соединительный принцип.

Сторонник классической логики мог бы защищать эти нормы следующим образом:

- (1) Вам нужно соблюдать следующее: ваши убеждения являются непротиворечивыми (потому что противоречивые убеждения не могут быть одновременно истинными).

³³Для ясности я выразил классическую импликацию через дизъюнкцию.

- (2) Если вы верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, то ваши убеждения не являются непротиворечивыми.
- (3) Поэтому вы должны соблюдать следующее: вы не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см [Из (1) и (2)].
- (4) Но если вы не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, то из этого логически следует, что или вы не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, или же вы верите, что у Лизы есть домашняя игуана [логическое правило]³⁴.
- (5) Таким образом, если вы соблюдаете следующее: вы не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, то вы соблюдаете следующее: либо вы не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, или же вы верите, что у Лизы есть домашняя игуана [из (4)].
- (6) Таким образом, если вы должны соблюдать следующее: вы не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, то вы должны соблюдать следующее: вы или не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, или же вы верите, что у Лизы есть домашняя игуана [из (5)].
- (7) Таким образом, вы должны соблюдать следующее: либо вы не верите одновременно и в то, что рост Франка — 180 см, и в то, что рост Франка — не 180 см, либо вы верите, что у Лизы есть домашняя игуана [Из (3) и (6)].

В таком духе сторонник классической логики мог бы попытаться показать, что нам придется принять (N_{w_0+k}) и другие странные нормы, следующие из принципа «из противоречия следует все что угодно» и наших соединительных принципов. (Данное рассуждение можно изменить очевидным образом и применить к (N_{w_0-}) и ($N_{w_{T+}}$).

³⁴Заметьте, что вывод « A или B » из A правилен в релевантной логике первоуровневого следования, поэтому сторонник классического подхода никаким образом не провоцирует здесь релевантника.

Однако рассуждение в этом небольшом умозаключении ошибочно. Переход от (4) к (5) неявным образом использует принцип:

(P) Если вы соблюдаете, что A , и B логически следует из A , то вы также соблюдаете, что B .

Этот принцип необходимо отвергнуть (и он отвергнут в наиболее полно разработанной логике агентов, которая мне известна — в логике, предложенной в [Belnap, Perloff and Xu, 2001]). Я соблюдал, что я съел кашу на завтрак сегодня утром: и я сделал это. Однако я не соблюдал, что я либо ел кашу на завтрак, либо не ел ее на завтрак. Я не играю никакой роли в том, что эта тавтология истинна. Поэтому аргументация сторонника классического подхода ошибочна, и он не располагает никаким объяснением того, почему (N_{w_0+k}) , (N_{w_0-}) и $(N_{w_{tr+}})$ должны быть истинны³⁵.

4.2. Необходимость

Общепринято, что в правильном умозаключении сохраняется классическая истинность:

(СКИ) Для всех A, B, C , если $A, B \models C$, то невозможно, что A и B истинны, а C ложно.

Минимальное понятие правильности сделало бы данное необходимое условие еще и достаточным:

(Min) $A, B \models C$ т.т.т. невозможно, что A и B истинны, а C ложно.

Большинство считает, что (Min) ни в коем случае не может считаться определением правильности. По их словам, говорить, что C следует из A и B — это значит по крайней мере говорить, что переход от A и B к C с необходимостью сохраняет истинность. Мой вопрос состоит в следующем: как мы могли бы обосновать данное утверждение иначе, не обращаясь к нашим «интуициям» о правильности и следовании?

Конечно, мы могли бы обратиться к отношению между правильностью и нормами рассуждения. Согласно (Min),

$2 + 2 = 4 \models$ штат Нью-Мексико больше штата Аризона

³⁵Заметьте, что из-за того, что сомнительный шаг не включает в себя никакую деонтическую модальность, такая же ошибка вкрадется в версии данного умозаключения, направленные также на (N_{w_0-}) и $(N_{w_{tr+}})$.

только потому, что последнее утверждение оказывается истинным. Однако ясно, что убеждение в первом не заставляет, разрешает или даже дает основание иметь убеждение в последнем. Поэтому (Min) — это неадекватное определение правильности.

Уже сейчас должно стать ясным, что такое рассуждение поспешно. Оно предполагает тот подход к логической нормативности — S-варианты, причину отвергнуть который мы уже рассмотрели. Можем ли мы перестроить данное рассуждение, используя более правдоподобную версию соединительного принципа: $Wo-$, $Wo+k$ и $Wr+$? Оказывается, состоятельность аргумента значительным образом зависит от того соединительного принципа, который мы используем. $Wo+k$ вместе с (Min) дает нам:

Если вы знаете, что либо ложно, что $2 + 2 = 4$, либо истинно, что Нью-Мексико больше Аризоны, то вы должны соблюдать, чтобы не было так, что вы одновременно и верите, что $2 + 2 = 4$, и не верите, что Нью-Мексико больше Аризоны.

В этом предложении нет ничего плохого: в самом деле, оно кажется непосредственно истинным. Если вы знаете, что неверно, что посылка истинна, а заключение ложно, то вы должны соблюдать следующее: вы не верите в первое без убеждения в последнем. Поэтому если мы примем $Wo+k$ в качестве нашего соединительного принципа, нам будет тяжело объяснить, почему (Min) не является адекватным определением правильности. Тот же, кто заранее предубежден против (Min), мог бы считать его еще одной причиной отвергнуть $Wo+k$.

Если мы примем $Wo-$ или $Wr+$, то аргумент против (Min) станет выглядеть правдоподобнее. $Wo-$ вместе с (Min) дает нам:

Если либо ложно, что $2 + 2 = 4$, либо истинно, что Нью-Мексико больше Аризоны, то вы должны соблюдать, чтобы не было так, что одновременно вы и верите, что $2 + 2 = 4$, и имеете неверие, что Нью-Мексико больше Аризоны.

В силу истинности антецедента мы можем его отделить и получить

Вы должны соблюдать, чтобы не было так, что одновременно вы и верите, что $2 + 2 = 4$, и имеете неверие, что Нью-Мексико больше Аризоны.

Данная норма должна быть применима даже к тем, кто *ничего* не знает об истинных значениях посылки и заключения или о том, как они соотносятся. Ясно, что это неправдоподобно.

Еще хуже, что мы можем заменить «Нью-Мексико больше Аризоны» на *любое* истинное высказывание и получить другую норму. И тогда комбинация (Min) и Wo- будет требовать не просто логического непротиворечия наших убеждений (как Wo- и обычная логическая правильность), ни даже просто логического замыкания (как Wo+ и обычная правильность), а своего рода *фактуального* перфекционизма! Всякий, кто верит, что $2 + 2 = 4$, и имеет неверие хотя бы в какое-то одно истинное высказывание, нарушает эту норму. Это настолько же правдоподобно, насколько правдоподобна общая эпистемическая норма, запрещающая ложные убеждения. Во избежание таких норм мы должны отвергнуть либо (Min), либо Wo-. Поскольку есть достаточные основания принять Wo-, мы должны отвергнуть (Min).

Аналогичное рассуждение может иметь место при замене Wo- на Wr+. Неправдоподобно считать, что у кого-то, не обладающего информацией о соотношении размеров Нью-Мексико и Аризоны, есть основание соблюдать, чтобы не было так, что одновременно он и верит, что $2 + 2 = 4$, и не верит, что Нью-Мексико больше Аризоны. Полагаю, что кто-нибудь мог бы попытаться привести доводы в защиту данного следствия из Wr+ и (Min) следующим образом:

- (1) У нашего агента есть основание соблюдать следующее: он верит в то, что является истинным.
- (2) Истинно, что Нью-Мексико больше Аризоны.
- (3) Таким образом, у нашего агента есть основание соблюдать следующее: он верит, что Нью-Мексико больше Аризоны [из (1) и (2)].
- (4) Но если есть основание соблюдать, что A , есть основание соблюдать, что $\neg(B \wedge \neg A)$ ³⁶.
- (5) Таким образом, у нашего агента есть основание соблюдать следующее: не происходит так, что одновременно он и не верит, что $2 + 2 = 4$, и не верит, что Нью-Мексико больше Аризоны [из (3) и (4)].

Такое направление мысли содержит две ошибки. Во-первых, переход от (1) и (2) к (3) неправилен. (1) можно толковать двояко: как

³⁶В классической логике $\neg(B \wedge \neg A)$ логически следует из A . — Прим. переводчика.

(1a) Для всех A , если A истинно, то у нашего агента есть основание соблюдать, что он верит, что A ,

так и

(1b) Для всех A , у нашего агента есть основание соблюдать следующее: если A истинно, то он верит, что A .

(1a) неправдоподобен; именно благодаря (1b) посылка (1) звучит правдоподобно. Однако из (1b) и (2) не следует (3)³⁷.

Во-вторых, (4) ложно. Рассмотрим следующий контрпример. У Джо есть основание каждую неделю работать сверхурочно. (Плата за его квартиру немного превышает ту плату, которую он готов тратить из своей обычной заработной платы.) Это не значит, что у него есть основание соблюдать, чтобы не было так, что он одновременно и получает более высокооплачиваемую работу, и не работает сверхурочно каждую неделю.

Таким образом, достоверность этого аргумента поверхностна. У нас не осталось ни одной причины считать, что мы должны следовать тем нормам, которые влекут (Min) и Wr+. Так как Wr+ достоверен — еще более достоверен, чем Wo- — у нас есть обоснованная причина отвергнуть (Min).

4.3. Формализм

Рассмотрим следующий вывод:

(1) Цицерон беседовал.

(2) Туллий прогуливался.

(3) Кто-то прогуливался и беседовал.

Все ли здесь логически правильно? Посылки явно релевантны заключению, а вывод с необходимостью сохраняет истинность³⁸. Все-таки многие философы отвергли бы, что заключение является логическим следствием посылок, на том основании, что даже несмотря на то что вывод с необходимостью сохраняет истинность, он не обязан

³⁷Если это не видно сразу, рассмотрим следующий контрпример. У меня есть основание соблюдать, что если окно открыто, то нагреватель выключен. Окно открыто, а я замерзаю. Есть ли у меня основание выключать нагреватель?

³⁸На самом деле он с необходимостью сохраняет истинность, по крайней мере, в двух разумных смыслах. (a) В любом возможном контексте произнесения, в котором посылки истинны, заключение истинно (потому что «Цицерон» и «Туллий» не зависимы от контекста термины). (b) При любом возможном способе оценки, при котором посылки истинны, заключение истинно (потому что «Цицерон» и «Туллий» суть жесткие десигнаторы).

этому своей *форме*. Для того чтобы получить по-настоящему правильный вывод, нам нужно было бы, чтобы имена собственные в (1) и (2) были идентичны:

(1) Цицерон беседовал.

(2*) Цицерон прогуливался.

(3) Кто-то прогуливался и беседовал.

Для чего нужно налагать это дополнительное условие на логическую правильность? По-моему, мотивация приблизительно вот в чем: связь между (1), (2*) и (3) *прозрачна* в таком смысле, в каком связь между (1), (2) и (3) нет. Тот, кто не знал, что имена «Цицерон» и «Туллий» обозначают одного человека, не смог бы различить необходимую связь между (1), (2) и (3). Наоборот, связь между (1), (2*) и (3) очевидна даже для того, кто не имеет ни малейшего понятия, что обозначает «Цицерон».

Но зачем так важно, чтобы логическая правильность была прозрачна в указанном смысле? Я хотел бы высказать мнение, что это важно из-за *нормативных* следствий из логической правильности. У того, кто принял (1) и (2), но не знал, что Цицерон был Туллием, не было бы основания принять (3) или пересмотреть свое убеждение в (1) и (2). Не было бы у него и обязательства не отвергать (3). Тогда вполне вероятно, что мы требуем, чтобы логическая правильность была формальной, потому что мы требуем, чтобы она была прозрачной, и мы требуем, чтобы она была прозрачной из-за причин и ответственностей, которые она порождает³⁹.

Если данный ход мысли правилен, тогда связь между формализмом и прозрачностью очень крепка. Если вся причина существования требования формализма — это гарантия прозрачности, то было бы лучше, чтобы формальная структура вывода была всегда различима прозрачным образом. Проблема в том, что большинство определений формальной структуры затрудняют восприятие того, как это можно сделать.

Для конкретности давайте проанализируем формальное различие между двумя вышеприведенными выводами: (1-2-3) и (1-2*-3). Интуитивно, различие состоит в следующем: в (1-2*-3) то же самое имя «Цицерон» входит дважды, тогда как в (1-2-3) входят два различных имени. Но что это значит сказать, что «то же самое имя» входит?

³⁹ Не уверен, что я хочу *одобрить* данный ход мысли. Возможно, альтернативой было бы сказать, что обязательства в обоих случаях одинаковы, но в случае (1-2-3) у агента есть *извинение*, если он не смог им соответствовать.

Ясно, что недостаточно, чтобы буквы Ц-И-Ц-Е-Р-О-Н встречались дважды: при таком «орфографическом» подходе разные люди могут иметь то же самое имя. Также недостаточно, что это то же самое орфографическое имя с тем же самым значением: мы можем сострять такие случаи, где это произойдет по совпадению, и в любом случае кореферентность, в общем, непрозрачна⁴⁰. Мы могли бы пытаться индивидуализировать имена более четко, чем это делают орфография и теория референции, скажем, группируя их использование в цепи, связанные друг с другом стремлениями говорящих к кореферентности. Однако в силу того, что данные индивидуализирующие факторы являются в значительной степени социологическими, в общем случае не будет прозрачно, относятся ли знаки двух имен к одному и тому же типу в указанном смысле. Ясно, что если нам нужна прозрачность, мы посмотрим внутрь головы, на то, как *мыслящий* мыслит имена. В результате некоторые предложили считать, что соответствующее отношение тождества — это тождество имени в «языке мышления»: синтаксическое тождество в языке мышления⁴¹. Но совсем неясно, что *это* также прозрачно. Откуда я должен знать, имеют ли общий компонент движущиеся внутри личности репрезентативные носители двух мыслей? Должен ли это определить психолог-практик?⁴² (Разумеется, тот человек, у которого пересмотр убеждений не обнаруживал бы распознавания тождества репрезентативного носителя, был бы познавательно дефектным, но не в смысле эпистемического обвинения. О нем было бы правильнее сказать, что он *плохо соображает*; ему нужен был бы нейрохирург, а не критика.)

Куда же мы приходим после этого? Мы могли бы выбрать путь, ведущий к пониманию формальной структуры, на котором она не является полностью прозрачной. Но если мы пойдем по этому пути, мы потеряем разумное обоснование требования формализма, накладываемого на логическую правильность, о котором я вкратце упомянул

---

⁴⁰Можно знать, кого обозначает *A* и кого обозначает *B* — в совершенно достоверном обычном смысле «знать, кого» — и все равно не знать, что они обозначают того же самого человека. Если бы настаивали на том, что для того чтобы понимать имя собственное, нужно было бы знать, кого оно обозначает в том смысле, который бы исключал такого рода незнание, никто бы никогда не считал, что он понимает имя собственное.

⁴¹Данный подход см. в [Fodor, 1990, p. 176 n. 10]: «... согласно данной точке зрения, вопросы рациональности оцениваются относительно носителя убеждения, а также содержания убеждения; тогда как вопросы истинности оцениваются только относительно содержания...».

⁴²Похожую точку зрения см. в [Millikan, 1994, p. 92].

выше. Зачем мы должны настаивать на том, чтобы логическая правильность была формальной, если формальная структура не является полностью прозрачной? Зачем мы должны *принимать во внимание* формализм? Я никогда не слышал удовлетворительного ответа на этот вопрос⁴³.

Я хочу сказать, что мы сделали неправильный поворот в самом начале данного хода рассуждений, предположив, что формальная правильность — это *вид* правильности. Подобно Дон-Кихоту мы бесплодно искали эпистемически прозрачную формальную структуру в конкретных выводах. Поэтому давайте перестанем считать формальную правильность видом правильности или вообще свойством выводов. Вместо этого давайте считать ее свойством *схемы* вывода⁴⁴. Проблема, является ли формальная структура *схемы* вывода прозрачной, неинтересна, потому что способность воспринять схему вывода — это как раз и *есть* способность воспринять формальную структуру⁴⁵. Если источником нормативности логики является не формальная правильность выводов, а формальная правильность схем выводов, мы можем полностью избежать проблемы прозрачности. Нашим соединительным принципам нужно будет придать чуть более сложную форму:

---

⁴³Иногда встречается следующий *неудовлетворительный* ответ: «Логика является *априорной* дисциплиной и, возможно, не стоит ожидать от нее, что она скажет нам что-то о правильности выводов типа «Цицерон был римлянином, следовательно, Туллий был римлянином». Таким образом, логика должна заниматься только *формальной* правильностью». Однако это немного похоже на мнение, что теоретическая физика изучает только *идеальную* материю на том основании, что физик не смог бы сказать вам точно, как будет вести себя конкретный объем неидеального газа. Вообще, наука, изучающая X, не станет изучать *каждый* вопрос, связанный с X. Химики изучают кислоты и основания, но они не могут сказать вам, какова должна быть кислотность вашей почвы для выращивания лилий. См. [Coffa, 1975, Read, 1994].

⁴⁴Отметим, что именно к схеме вывода, а не к самим выводам, применимо теоретико-модельное определение правильности. «Нелогические константы» схематичны, они в нем не определяются. Иначе встала бы серьезная проблема, как нам нужно рассматривать их различные «повторные интерпретации» при определении правильности (см. [Etchemendy, 1990]).

⁴⁵В наших обычных логических системах мы принимаем следующее репрезентативное соглашение: если одна и та же буква встречается в схеме вывода дважды, она показывает формальную «связь». Возможны и другие соглашения — например, мы могли бы использовать линии для того, чтобы показывать «связи» — однако принятое соглашение является простым и удобным.

Соединительный принцип: Если [вы знаете, что⁴⁶] схема S формально правильна и вы воспринимаете вывод $A, B/C$ как частный случай S , то (нормативное утверждение об убеждении в A, B и C)⁴⁷.

Согласно данной точке зрения, источником всех логических норм является «воспринимание»⁴⁸ мыслящим выводов как имеющих некоторую формальную структуру⁴⁹. Имеют ли выводы *на самом деле* такую формальную структуру, и даже может ли вообще в этом быть какая-то суть — здесь никак не затрагивается. Поэтому данная точка зрения не противоречит целому ряду точек зрения по поводу формальной структуры *выводов*, включая точку зрения, что выводы не имеют формальной структуры, точку зрения, что они имеют формальную структуру, но она эпистемически не прозрачна для нас, а также точку зрения, что не всегда можно определить, что является формальной структурой вывода. Даже если правильна классическая точка зрения, что каждый вывод имеет уникальную и эпистемически прозрачную формальную структуру, то тот факт, что вывод *имеет* особенную формальную структуру, не порождает никакие нормы; важно лишь то, какую воспринимаемую формальную структуру имеет вывод.

Предполагается, что мое обсуждение «воспринимания» лишь намечает место для более полного подхода. Моя собственная точка зрения состоит в том, что воспринимание не следует интеллектуализировать до такой степени, что оно требует совершенно явного понимания того, что есть схема вывода, такое понимание, которое можно было бы получить из энциклопедической статьи на эту тему. Оно является чем-то более элементарным. Однако важно, чтобы воспринимание было чем-то таким, за что можно было бы взять ответственность и за что можно было бы критиковать или быть критикуемым. Поэтому предположительно оно требует по крайней мере схватывания на элемен-

⁴⁶ Данное условие относится к k -вариантам.

⁴⁷ Или часть, связанная с «пониманием», должна находиться в области действия деонтического оператора? На данный момент я буду придерживаться более простой формулировки.

⁴⁸ В подлиннике «apprehension». Мы используем «воспринимать» для перевода «apprehend» и «воспринимание» для перевода «apprehension», чтобы избежать коннотации с традиционным употреблением философского термина «восприятие» в смысле чувственного восприятия. — *Прим. переводчика.*

⁴⁹ Я не использую «воспринимать» как слово, обозначающее успех: из того, что « X воспринимает I как частный случай S », не следует, что I является частным случаем S . Возможно, это грамматическая ошибка. В таком случае мне нужно новое слово.

тарном уровне системы понятий, более полному раскрытию которой была бы посвящена энциклопедическая статья. Тогда, согласно такой точке зрения, логические нормы применимы только к тем существам, которые приобрели некие способности распознавать, классифицировать и критиковать: к довольно сложным существам. Кажется, это правильно: кажется странным критиковать собаку за *нелогичность* мышления. А теперь я хочу оставить открытым целый ряд точек зрения по поводу воспринимания, даже строгую «кантианскую» точку зрения, что логическое понимание необходимо для любого мышления.

Давайте посмотрим, как данная точка зрения применима к паре случаев. Во-первых, случай, с которого мы начинали. Интуитивно, вывод (1-2-3) не дает вам никаких оснований пересмотреть свои убеждения, в отличие от случая (1-2*-3). В рамках нынешней точки зрения мы можем объяснить его следующим образом. Схема вывода

$$(S1) Fa, Ga/\exists x(Fx \wedge Gx)$$

формально правильна, а схема

$$(S2) Fa, Gb/\exists x(Fx \wedge Gx)$$

нет. Поэтому тот, кто воспринимает (1-2-3) как частный случай (S2), а не (S1), не имеет основания или обязательства пересматривать свои убеждения, в то время как тот, кто воспринимает (1-2*-3) (или, в данном случае неважно, (1-2-3)) как частный случай (S1), на самом деле имеет такое основание. И это представляется совершенно верным.

Во-вторых, рассмотрим случай с Петром, который, кажется, одновременно верит и в то, что Падеревский — отличный музыкант, и в то, что Падеревский не является отличным музыкантом ([Kripke, 1979]). Представляется неуместным считать его ответственным за противоречивые убеждения, если он не может видеть их противоречивость. Обычные ответы на данный вопрос следующие: (а) сделать заключение о противоречивости его убеждений, но ослабить связь между противоречивостью и нормами убеждений, или (б) продолжать отстаивать данную связь, заявив в качестве довода, что его убеждения не являются противоречивыми, так как у Петра есть два «внутренних имени» для Падеревского. В нашем подходе предлагается третья альтернатива. Согласно данному подходу, Петр не подпадает под действие этой логической нормы, потому что он не понимает свои убеждения как частные случаи схемы $P, \neg P$. Таким образом, вопрос о том, выполняет ли он логические нормы, отделяется от вопроса, являются ли его убеждения противоречивыми на самом деле, и

нам не нужно выбирать между непривлекательными вариантами (а) и (b)⁵⁰.

В-третьих, рассмотрим случаи «онтологической путаницы» того типа, о котором говорится в [Camp, 2002]⁵¹. Вы наблюдаете за тем, как ваш чемодан уезжает по ленте транспортера в аэропорту. Как только вы ставите его на ленту, вы думаете про себя «Я не застегнул этот чемодан на молнию». Вы следите за тем, как он пропадает за стенкой и снова появляется. С этого места вы видите, что он застегнут на пряжку. Вы делаете вывод «Этот чемодан застегнут на пряжку, но не на молнию». Но чемодан, хотя вы и не знаете этого, уже другой. Ваш упал с ленты за стенкой, а этот, очень похожий на ваш, принадлежит другому пассажиру. Было ли ваше рассуждение ошибочным? С одной стороны, в вашем поступке было что-то очень похожее на двусмысленность. В каждый момент вы стремились иметь в виду чемодан, на который смотрели, а он не всегда был одним и тем же чемоданом. С другой стороны, вы стремились иметь в виду один и тот же чемодан каждый раз, когда думали «этот чемодан». По крайней мере с вашей точки зрения никакой двусмысленности нет. Если мы примем стандартный подход, согласно которому нормы рассуждения применимы к фактам (или, возможно, известным фактам) о правильности или неправильности выводов, то мы не сможем определить, рассуждали ли вы ошибочно, не определив, был ли ваш вывод *на самом деле* формально правильным. А это требует определения того, «связаны» ли формально все три частных случая термина «этот чемодан». На этот вопрос очень трудно дать определенный ответ, так как «внутренние» анафорические связи идут в другом направлении, чем «внешние» информационные связи, причем *оба* вида связей представляются уместными. Однако если мы примем рекомендуемый мною подход, ответ на наш нормативный вопрос зависит только от того, *воспринимаете* ли вы свой вывод как частный случай правильной формы. Довольно ясно, что вы так и делаете, поэтому при таком подходе вы не нарушаете никакого логического обязательства.

---

⁵⁰(а) непривлекателен, потому что он ужесточает важные связи между логическими отношениями (например, противоречивостью) и нормами убеждений. (b) непривлекателен, потому что он игнорирует семантическую и синтаксическую важность того, что Петр стремится к тому, чтобы его употребления «Падеревский» были употреблениями того же самого имени, которое употребляют те, от кого он слышал это имя.

⁵¹См. эксперименты с «медленным переключением» мысли, о которых говорится в [Boghossian, 1994]. Но нам совсем не нужно отправляться к двойнику Земли.

Можно возразить, что при таком подходе происходит *слишком* сильное ограничение на применение логических норм. Неужели не стоит хоть иногда полагать нашу ответственность за неспособность воспринять логическую структуру, которая на самом деле есть, или принятие логической структуры там, где ее вовсе нет? Ясно, что можно. Но я склонен не смешивать эти нормы *в отношении* воспринимания и логические нормы, появляющиеся *из* воспринимания выводов как частных случаев формально правильных схем. Кажется, что первые группируются вместе с общими эпистемическими нормами, тщательно наблюдаемыми и основательно исследуемыми, а не с особенными логическими нормами.

Наконец, заметьте, что если мы изменим общую форму наших соединительных принципов в таком духе, то единственный убеждающий аргумент против $Wo+$ — аргумент чрезмерной требовательности — теряет свою силу. Несмотря на возможность выведения бесконечного множества следствий из аксиом Пеано, мы не воспринимаем все эти возможные выводы как частные случаи правильной схемы. Поэтому $Wo+$ — в измененном виде — не заставляет нас иметь дедуктивно замкнутое множество убеждений. Тогда, в конце концов, мы можем решительно поддержать следующий соединительный принцип:

Соединительный принцип: Если схема S формально правильна и вы воспринимаете вывод $A, B/C$ как частный случай S , то вам нужно соблюдать следующее: если вы верите, что A , и верите, что B , то вы верите, что C .

5. Заключение

Методология являлась главной моей целью в этой статье. Я хочу показать способ, с помощью которого можно систематически и продуктивно изучать фундаментальные проблемы философии логики без постоянного обращения к помощи «интуиций» о правильности или следовании, которые неизбежно заводят в тупик (у меня свои интуиции, у вас — свои, о чем больше говорить). Я предположил, что мы можем достигнуть прогресса в этих вопросах, попытавшись продвинуться в прояснении нормативности логики: отношения между фактами о правильности и нормами рассуждения (в широком смысле «связанное с рассуждением изменение точки зрения»). Для этого я проанализировал различные варианты «соединительных принципов» и преимущества одних из них перед другими. Наконец, я показал, как прогресс в этой области помогает по-новому взглянуть на споры по поводу места релевантности, необходимости и формализма в имеющемся у нас

понятии логической правильности. Не говоря уже о том, что все это еще только начало.

Литература

- [Belnap, Perloff and Xu, 2001] Belnap, N., M. Perloff, and M. Xu. *Facing the Future: Agents and Choices in Our Indeterministic World*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- [Boghossian, 1994] Boghossian, P.A. The transparency of mental content. *Philosophical Perspectives*, 1994, vol. 8, pp. 33–50.
- [Broome, 2000] Broome, J. Normative requirements. In J. Dancy (Ed.), *Normativity*. Oxford: Blackwell, 2000.
- [Camp, 2002] Camp, J. *Confusion: A Study in the Theory of Knowledge*. Cambridge: Harvard University Press, 2002.
- [Coffa, 1975] Coffa, J.A. Machian logic. *Communication and Cognition*, 1975, vol. 8, pp. 103–129.
- [Etchemendy, 1990] Etchemendy, J. *The Concept of Logical Consequence*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
- [Fodor, 1990] Fodor, J.A. *A Theory of Content and Other Essays*. Cambridge: MIT Press, 1990.
- [Harman, 1984] Logic and reasoning. *Synthese*, 1984, vol. 60, pp. 107–127.
- [Harman, 1986] Harman, G. *Change in View: Principles of Reasoning*. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
- [Kripke, 1979] Kripke, S. A puzzle about belief. In A. Margalit (Ed.), *Meaning and Use*, pp. 239–283. Dordrecht: Reidel, 1979.
- [Millikan, 1994] Millikan, R. On unclear and indistinct ideas. *Philosophical Perspectives*, 1994, vol. 8, pp. 75–100.
- [Priest, 1979] Priest, G. Two dogmas of quineanism. *Philosophical Quarterly*, 1979, vol. 117, pp. 289–301.
- [Priest, 1998] Priest, G. What is so bad about contradictions? *Journal of Philosophy*, 1998, vol. 98, pp. 410–426.
- [Priest, 1999] Priest, G. Validity. *European Review of Philosophy*, 1999, vol. 4, pp. 183–206.
- [Read, 1994] Read, S. Formal and material consequence. *Journal of Philosophical Logic*, 1994, vol. 23, pp. 247–265.
- [Sainsbury, 2002] Sainsbury, R. M. What logic should we think with? In A. O'Hear (Ed.), *Logic, Thought and Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- [Williams, 1973] Williams, B. Deciding to believe. In *Problems of the Self*, pp. 136–151. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.